

его*. Однако, смотря на это признание, некоторые из нынешних римских богословов учение о непричастности Девы Марии первородному греху признают только мнением, а не догматом**.

Притом замечательно, что самый праздник, установленный в память зачатия Марии, в Римском Служебнике, *Missale Romanum*, изданном в 1828 году и назначенном для повсеместного употребления, называется просто *conceptio beatae Mariae Virginis*, а не *immaculata conceptio*, зачатием, а не непорочным зачатием блаженной Девы Марии, притом и в службе, положенной в том же Служебнике на день сего праздника (8 декабря), нет ни одного слова, которое напоминало бы о непорочном зачатии Марии***. Итак, и самая история учения о предмете нашего разговора не располагает нас и никого не расположит принять это учение. Следовательно, римским папам, если они серьезно думают о соединении церквей, надобно умалчивать о нем, а мы, имея в руках их Миссале Романум, будем поговаривать и пописывать, что римская Церковь празднует просто-напросто зачатие Пресвятой Марии, как празднует и Восточная Церковь. <...>

Святыни земли Итальянской

<Фрагмент>

<В конце своего пребывания в Риме архимандрит Порфирий встретился с папой Римским, который сказал ему о своем стремлении к соединению Церквей. Тема Рима не раз встречается в дневниках преосвященного Порфирия. Наиболее полно свои раздумья о судьбах Римской Церкви он записал в марте 1848 года, всего через месяц после приезда в Иерусалим и за шесть лет до поездки в Италию.>

13 марта 1848 г., суббота. Рим подобен умирающему грешнику, который не может жить жизнью колыбели, а гроба боится.

* *Declarat haec ipsa S. Synodus non esse suae intentionis comprehendere in hoc decreto, ubi de peccato originali agitur, beatam et immaculatam virginem Mariam, Dei genitricem, sed observandas esse constitutiones felicitis recordationis Sixti papae sub poenis. Sessio V. Appendix.*

** *Theolog. dogmat. Andr. Poh1, стр. 345: «De beata virgine Maria pia et communis est opinio illam ab originali labe omnino mundam fuisse, quamquam haec opinio pia tantummodo opinio sit et non articulus fidei, ab ecclesia nullibi definitus fuit».*

*** *Missale Romanum, стр. 316–318.*

Какова колыбель христианского Рима? Это простые ясли, в которых лежит Библия и соборные свитки. А в Библии и в этих свитках написано:

«Дух Святой происходит от Отца».

«Глава Церкви Христос, а не папа».

«Бог един премудр, а всяк человек ложь» *.

«Собор всех пастырей и учителей Церкви, а не папа, определяет догматы веры и правила Церкви».

«Римскому престолу усваивается первенство ради Древнего Рима».

«Царство Мое не от мира сего» ** и проч., и проч.

Рим не в силах уничтожить Св. Писание и соборные определения, а его превратному изъяснению их ныне верят одни женщины и дети до выхода из школ иезуитских. Что ж остается ему делать? Переродиться и достигнуть в возраст первобытного христианства. А что значит переродиться? Переменить черноту эфиопа на белизну европейца? Ох, более! Переродиться значит умереть и воскреснуть. А если так, то колыбель христианства должна быть страшна для Рима так же, как и гроб.

После Тридентского собора не было ни одного священного собрания епископов и учителей западных. Что ж бы значило сие гробовое молчание Рима, тогда как известно, что этот Собор оставил много вопросов без ответа? Прелаты, расставаясь в Триденте, думали, что они скоро опять увидятся в другом синоде, но их прощание было навеки. А между тем в мире так много запутанностей, а разрешений нет. Почему же нет? Почему в течение двух с половиной веков Рим не предпринимал ничего великого, а из Ватикана не слышалось ни одно повеление Божие? Не обратился ли он подобно жене Лотовой в столп сланный? Не страшны ли для него Соборы? Не боится ли он воскресения идей константских и базельских? Не боится ли он чаянного Лейбницем Собора, на котором уже не прелаты и не папа, а народы чрез своих представителей будут подавать голоса? Как бы то ни было, но духовная неподвижность Рима есть признак его умирания. Рим уже не в силах соединить под своим знаменем племена латинские, германские, греческие, славянские, кои ныне более, нежели когда-либо, любят оставаться под собственными хоругвями своих вероисповеданий. <...>

14, воскресенье. Духовный Рим тяжко согрешил против Восточной Церкви, против науки, против прав совести и против многих народов, и за эти грехи наказан, наказывается и еще примет возмездие полною мерою.

* Рим. 3: 4; Пс. 115: 2.

** Ин. 18: 36.

Известна гордая неприязнь Рима к Восточной православной Церкви. Разными средствами, софистическим обаянием, политическим насилием, греховными поблажками, земными приманками и выгодами успел он отторгнуть от нее и увлечь в свой плен несколько миллионов чад ее, заклеив их печатью, на которой вырезано: *Уния*. Но, несмотря на то, Церковь православная существует, движется и, подобно Ноеву ковчегу, заключает в себе радужные судьбы многих племен севера и востока. А гордость всемирного преобладания Рима наказана и наказывается. <...>

Римский двор покровительствовал художникам, стихотворцам и ученым, но на гениальных людей, посланных Богом светить миру, смотрел подозрительным оком, так же как и на некоторых св. подвижников, и даже преследовал и казнил их в уверенности, хотя и ложной, что они заблуждаются и что он один непогрешим. Но истина восторжествовала над самообольщением и заблуждением называвших себя наместниками Бога на земле. <...>

Римские богословы в оправдание свое говорят, что папа и Церковь непогрешимы только в знании о Боге. Хорошо! Но если папы непогрешимо знают Бога, то они должны знать все, что все праведники знают о Боге; они должны предчувствовать, и видеть, и изрекать все, что в мире и человеческом роде под тем или другим видом носит на себе отпечаток Божества и содержит его законы, намерения и суд. Почему же у них нет и не было сего зрения, сего ведения? Почему оно оказалось у мирян? Римские папы! Не скажете ли вы, что есть сторона Божества, которая не обращена к вам и которой вы не видите? Но если так, то вы не представители и не истолкователи полной идеи о Боге. Не скажете ли вы, что законы мира, т. е. всемогущая воля Бога, которая все сотворила по мере, весу и числу, все держит, и Дух Божий, непрестанно носящийся над бездной, что все это не видно вам? Но если так, то не вы, а ученые миряне имеют дарования пророков и священников и их знание вещей Божеских и человеческих более существенно, нежели <вы> сами и Церковь ваша.

Рим согрешил перед Богочеловеком, гордо усвоив себе Его непогрешимость.

Римское духовенство согрешило перед Богом и перед народами. Ибо врата Церкви, поставленные апостолом Петром, отворены были для таких ужасных и богомерзких людей, каковы Борджии; святость людей Божиих измеряема была официальными добродетелями иезуитов; Рим не узнавал своих святых и они бежали от него в пустыни, говоря: «Frère! il faut mourir»*; девственность

* Брат! Надо умирать (фр.).

духовенства — эта чистая печать посредника между Богом и людьми — взломлена, блудное житие его развратило города и столицы. За все это Бог отъял от него видение и пророчество. По причине этих грехов оно не знает вполне вещей Божеских; ибо Боговедение обуславливается чистотою сердца. По причине этих грехов римское духовенство не способно ощущать веяние благодати и слышать глаголы Силы, коими держится вселенная. Омраченное этими грехами, оно доверяло свидетельству внешних чувств более, нежели свидетельству духа, предавалось мечтаниям и язычеству, когда мирские христиане возвышались до чар мира духовного, не дало науке духа и направления евангельского.

<И хотя сбылись не все чаяния преосвященного Порфирия, радевшего о благе Отечества и Матери-Церкви, его италийские записки 1854 года, проникнутые любовью к колыбели христианской культуры, спустя полтора века не утратили своей значимости как с научной, так и с художественной точки зрения.>

